
**КРИТИКА
И БИБЛИОГРАФИЯ**

**КАТЕГОРИЯ “ЮРИДИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ”
В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕОРЕТИКА ПРАВА
А.А. Фомин. ЮРИДИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СУБЪЕКТОВ
РОССИЙСКОГО ПРАВА. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО
“Саратовская государственная академия права”, 2005. 332 с.;
А.А. Фомин. ЮРИДИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СФЕРЕ
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ.
Пенза: Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2006. 236 с.**

С некоторых пор в работах отечественных юристов стали использоваться понятия “правовая безопасность”, “юридическая безопасность”, “конституционная безопасность”. Если в трудах отдельных авторов эти понятия употребляются как бы походя и не всегда проводится необходимый категориальный анализ, то в рецензируемых монографиях А.А. Фомина указанные понятия не только раскрываются, но и предпринимается попытка на этой основе рассмотреть многие другие вопросы обеспечения безопасности с привязкой проблем к разным сферам ее проявления. Автор рассматривает юридическую безопасность индивидуальных и коллективных субъектов права, юридическую безопасность государства как особого субъекта права. Одна из глав второй книги (в дальнейшем при ссылках на страницы той или другой будут указаны 1-я или 2-я книги) называется “Юридическая безопасность в сфере законотворческой деятельности”, а другая – “Юридическая безопасность субъектов правореализации”.

В монографиях затрагиваются многие вопросы теории государства и права. В целом позиции автора достойны того, чтобы с ними знакомиться и развивать или полемизировать. Однако представляется необходимым сосредоточиться только на одном проблемном аспекте – на понимании юридической безопасности, ее соотношении с иными видами безопасности, основании выделения данного вида и значении для практики.

Разумеется, понятие юридической безопасности должно соответствовать общему понятию безопасности. А.А. Фомин раскрывает такое понятие (1, с. 50): “...Во-первых, безопасность – это социально-правовая характеристика состояния общества; во-вторых, она должна рассматриваться в единстве функционального и институционального подходов как система воспроизводства условий стабильной, устойчивой социальной динамики посредством действия социальных механизмов, обеспечивающих ее устойчивость, повторяемость и постоянное возобновление самих общественных отношений”.

Идентичным понятию “безопасность” автор считает понятие “национальная безопасность”, которому придает основополагающее значение: “Базовым понятием в системе социальной безопасности, которое более точно и предметно отражает сущность рассматриваемого феномена, является понятие “национальная безопасность”, представляющее собой универсальную ценность, одинаково актуальную и необходимую для гражданина, социальной группы, нации, составляю-

щих государство. Преимущество понятия “национальная безопасность” состоит прежде всего в том, что оно... носит междисциплинарный характер, позволяет объединить в себе все известные виды безопасности, защищаемые государством” (1, с. 19).

Отсюда, казалось бы, вытекает, что юридическая безопасность в качестве особого **вида** должна входить в национальную безопасность. Но далее, как бы вразрез с общим понятием безопасности и уже в качестве определенного **средства** обеспечения национальной безопасности или даже особой ее **сферы**, речь идет о юридической безопасности: “Право, правотворчество и правоприменение выступают ключевыми звеньями в механизме обеспечения национальной безопасности и в совокупности должны быть выделены в самостоятельную специфическую сферу безопасности – юридическую безопасность” (1, с. 53).

“Юридическая безопасность в качестве особой разновидности социальной безопасности может рассматриваться как состояние правовой защищенности (обеспеченности, гарантированности) жизненно важных интересов субъектов права в связи со вступлением их в сферу правовых отношений, способность юридическими средствами противостоять внешним и внутренним угрозам объективного либо субъективного характера” (1, с. 59). “Если речь идет о юридической безопасности как о безопасности в области права, как о деятельности по преобразованию механизма правового регулирования, то ее следует рассматривать как особую разновидность социальной безопасности, ее самостоятельное направление” (2, с. 13). Обратим внимание, что юридическая безопасность уже рассматривается как разновидность социальной безопасности (даже как “ее... направление”) и как бы наряду с национальной безопасностью, поскольку последняя является одним (хотя и базовым) фактором в системе социальной безопасности. В отличие от самостоятельной, “суверенной” юридической безопасности, автор рассматривает юридическую безопасность “как деятельность, осуществляемую посредством права, как регулятивную практику, опосредованную юридическими формами... в качестве определенной разновидности социальной безопасности” (2, с. 13).

Неопределенность в терминах и понятиях видна невооруженным глазом. Остается также неясным, то ли безопасность есть состояние защищенности, то ли это деятельность по защите (в общее понятие юридической безопасности включено как “состояние правовой

защищенности” субъектов права, так и “способность юридическими средствами противостоять внешним и внутренним угрозам” (2, с. 15), то ли надо говорить о защите определенных субъектов при общении людей, то ли о защите определенного порядка в их отношениях. Ведь не исключено, что именно этот порядок может угрожать соответствующему субъекту.

В другом месте проводится деление безопасности по объекту: безопасность личности, общества и государства. Автор поддерживает мнение о том, что о юридической безопасности следует говорить применительно к каждому объекту и к любой сфере жизнедеятельности объекта, поскольку все они как имеющие особую социальную ценность охраняются законом (1, с. 94). Такой подход представляется автору наиболее предпочтительным, поскольку (цитируется позиция С.А. Трахименок) “не создает путаницы между самим объектом юридической защиты (человеком, обществом, государством) и той сферой, полем, на котором осуществляется эта защита”. “Каждый субъект в силу своей качественной определенности, автономности, своеобразия интересов нуждается в особом режиме юридической безопасности. Следовательно, возможно различать юридическую безопасность:

индивидуальных субъектов права;

коллективных субъектов участия в правовой жизни;

государства (специфической части общества, социального института, который, обеспечивая собственную безопасность, не может не влиять на юридическую безопасность негосударственных форм и отдельных людей)” (1, с. 94).

К сожалению, принимаемая автором методология не нашла своего воплощения в рассмотрении конкретных вопросов. Так, задавшись целью рассмотреть юридическую безопасность в сфере законотворческой деятельности (2, с. 45 и далее), А.А. Фомин вообще не упоминает о безопасности законодателей, о тех угрозах, которые существуют для соответствующих субъектов. Целая глава, например, посвящена законотворчеству субъектов Российской Федерации, но нет ни вопроса, ни ответа относительно возможных “угроз” со стороны федерального центра, равно как и наоборот. Более того, вопросы безопасности таких субъектов, как суды и правоохранительные органы, подменяются вопросами, соответственно, роли правосудия в обеспечении защищенности граждан и их юридической безопасности при угрозах со стороны работников правоохранительных органов (2, с. 147–178; 123–147). Казалось бы, избранная автором позиция должна была повести, с одной стороны, к изучению угроз (в свете принципа разделения властей) суду и правосудию, органам МВД, ФСБ, служащим государственного аппарата, а с другой – угроз гражданам со стороны суда, работников милиции, чиновников и т.д. Аналитические материалы той же Общественной палаты свидетельствуют об актуальности проблем безопасности в этой части. Но ничего похожего мы в монографиях не находим.

Не возражая против рассмотрения юридической безопасности в качестве одного из самостоятельных видов безопасности, полагаем, что это должно быть сделано не потому, что право и государственно-правовые институты органично входят в ключевые области жизнедеятельности общества, не потому, что какие-то

отношения охраняются законом, а потому, что право и его составляющие являются объектом самостоятельной защиты от многочисленных угроз. В той части, в какой право является самостоятельной ценностью, оно подлежит защите. А.А. Фомин этот аспект не отрицает, но, напротив, признает за правом “роль объекта безопасности”.

Вряд ли правильно ставить в один ряд или даже объединять одним понятием случаи, когда угрозы опасны для определенных субъектов, т.е. опасность угрожает непосредственно жизненно важным интересам данной личности, данного общества и данного государства, и когда имеют место угрозы неким ценностям – праву, правопорядку, законности, юридической технике и т.д. Основания классификации разные. О юридической безопасности, видимо, более уместно вести речь там, где имеет место посягательство на юридические ценности вообще. Мы усматриваем, например, экономическую безопасность только там, где имеет место угроза непосредственно экономическим ценностям – собственности, свободе предпринимательства и т.д. Многие отношения людей имеют экономические основания и экономическое сопровождение, но разве, например, мы говорим об экономической безопасности, если предпринимается попытка разрушить брак супругов, если препятствуют выезду на учебу в зарубежный университет, если издательство отказывает в публикации рукописи? И о юридической безопасности говорить здесь проблематично, хотя все названные отношения опосредованы правом.

Весьма сложно определить юридическую безопасность в свете тех угроз, которые выделяет А.А. Фомин в современных российских условиях. Это такие угрозы, как (см. 1, с. 40–41):

- кризис экономики, которая в современном ее состоянии не способна удовлетворить жизненно важные потребности населения и многие нужды государства;

- бедность значительной части населения, нарастание социальной напряженности;

- этнические и конфессиональные конфликты, деятельность организаций, способствующих их разжиганию;

- слабость государственной власти в целом и ее отдельных ветвей;

- низкая эффективность правоохранительной системы, по многим позициям не способной надлежащим образом обеспечить безопасность граждан;

- истощение и загрязнение природной среды;

- природные и техногенные катастрофы, последствия которых в условиях экономического кризиса становятся все более острыми и масштабными;

- рост преступности и ее влияние практически на все общественные отношения, их криминализация, низкая способность общества противодействовать таким наиболее опасным для его жизнедеятельности явлениям, как терроризм и наркобизнес;

- традиционная для России пассивность граждан в поисках эффективных средств самозащиты, подкрепленная отсутствием качественной информации о конкретных законных методах самообороны;

- наличие ряда “дефектов” (стереотипов) правосознания относительно сущности и целей безопасности, ее ценности для общества.

В такой же общей форме обозначены “постоянные (неизменные) приоритеты безопасности личности, общества и государства в Российской Федерации” (1, с. 44–45). Конечно, есть некие общие для всех угрозы и общепреентивные меры их предотвращения или борьбы с ними. Однако в практических интересах обеспечения безопасности было бы более целесообразно излагать угрозы не в такой общей форме, а в зависимости от их адресата с дифференциацией затем в зависимости от объекта – жизнь, здоровье, честь и т.д., если это угрозы личности; мир, единство, сплоченность и т.п., если это угрозы обществу; целостность, устойчивость, суверенность и т.д., когда идет речь о безопасности государства. Наконец, особую классификацию могут составить случаи, когда угрозы направлены против установленных и признанных средств обеспечения соответствующих личностных, общественных и государственных ценностей. Именно в этом направлении открываются возможности для

анализа юридических аспектов безопасности, поскольку право, правопорядок, правотворчество, правоприменение направлены в конечном счете на охрану и дальнейшее развитие общественных отношений в разных сферах жизнедеятельности.

В заключение отметим аргументированное выступление автора монографий против легковесного, популистского и демагогического использования понятия “безопасность” (1, с. 18). Здесь же им констатируется, что это понятие до сих пор остается собирательным, имеющим рыхлые очертания. В свою очередь, заметим, что таковое качество не преодолено пока до конца и по отношению к понятию “юридическая безопасность”.

Л.Ф. Скубченко,
канд. юрид. наук, доц.